

Гетеротопии поэзии: онейрическая метареальность Анны Ахматовой

Галина Михайлова

Вильнюсский университет

Вильнюс, Литва

Сновидческая тема в связи с поэзией и творческой личностью Ахматовой, несмотря на всю свою очевидность, подмеченную группой исследователей еще в 1975 г.¹, не подвергалась отдельному анализу. Это с сожалением было констатировано, к примеру, С. А. Коваленко, озаглавившей свою книгу–реконструкцию *Поэмы без героя* следующим образом – *Петербургские сны Анны Ахматовой* (Петербургские сны 2004: 68–72). При этом во многих работах, касающихся той или иной проблемы творчества Ахматовой, онейрическая тематика неизменно оказывается затронутой, чаще всего в рамках рассуждений о так называемой «зеркальной» поэтике Ахматовой либо фольклорно-мифологических корнях ее поэзии (труды В. В. Мусатова, Г. М. Темненко, А. Г. Кихней, С. Э. Козловской, М. В. Серовой, Т. А. Пахаревой, Е. В. Меркель, А. В. Яковлевой, О. О. Столярова, И. Григорович-Барсэл, И. И. Тюриной, Г. П. Козубовской и др.). Заявленный в статье предмет рассуждений – онейрическая метареальность в поэзии Анны Ахматовой – очередная попытка определить некоторые особенности сновидческой тематики в поэзии Ахматовой. Ракурс исследования – соотнесение онейрической метареальности Ахматовой с так называемыми «другими пространствами» («гетеротопиями») Мишеля Фуко².

Ни понятие «гетеротопия», ни суждения о нем не являются у Фуко строго определенными и завершенными, что создает в гуманитарной исследовательской

---

¹ «Значительное число ахматовских текстов строится как запись сна, развертывание сна, “исполненный сон”, толкование сна, причем не всегда эта установка прямо оговорена в тексте» (Тименчик, Топоров, Цивьян 1975: 133).

² Соображения о «других местах» были изложены Фуко трижды: в радиолекциях 1966 г. (о малодоступности их записей см.: Харламов 2010: 191), в предисловии к книге *Слова и вещи (Les Mots et les choses, 1966)* и в публичной лекции 1967 г., опубликованной в 1984 г. под названием «О других пространствах» («Des espaces autres»).

среде некую нишу, заполняемую теми или иными авторскими интенциями, так или иначе связанными с фукольтианскими «другими местами»³. Дает ли это основание для сопоставления ахматовского сновидения с гетеротопией?⁴ Вероятно, да, но со следующими оговорками:

1. Если рассматривать сновидческие поэтические мотивы в контексте спациональной оппозиции⁵, то очевидно, что в этом случае поэтическое сновидение может быть распознано как гетеротопия, которая, согласно третьему «гетеротопическому принципу» Фуко, способна связывать пространства, несовместимые или удаленные друг от друга⁶. Однако учитывая подтверждаемый современниками провидческий потенциал Ахматовой⁷, в данном случае более уместной была бы исследовательская дискуссия по поводу того, насколько близко вербализованные сновидения Ахматовой приближаются к тем рубежам, за которыми пульсируют трансперсональные, метафизические измерения; является ли возможной интерпретация ее стихотворных сновидений как трансцендентных сновидений в том смысле, как об этом писали К. Г. Юнг (полагавший, к примеру, пьесы Шекспира образцами визионарного творчества⁸) или К. Доннел (во сне осуществляется «переход от отождествления себя с индивидуальным “я” к отождествлению с истинной, безграничной природой, связанной с несущим жизнь всему во Вселенной Божественным сознанием»⁹).

³ См.: Johnson 2012.

⁴ Нам известна одна литературоведческая работа, в которой сновидение связывается с темой гетеротопии: в статье Анны Смит поэма М. Цветаевой *С моря* и одно из стихотворений С. Парнок исследуются в ракурсе «использования описания сна как опыта построения гетеротопического пространства» (Смит 2008: 78–89).

⁵ Сны в поэзии Ахматовой могут трактоваться как один из «каналов связи» между реальным пространством и пространством ирреальным, мифолого-магическим, «представляющим собой глубинные слои памяти и подсознания, а также инфермальную сферу, включая “мир мертвых”» (Меркель, Яковлева 2012: 89).

⁶ “<...>Third principle. The heterotopia is capable of juxtaposing in a single real place several spaces, several sites that are in themselves incompatible. Thus it is that the theater brings onto the rectangle of the stage, one after the other, a whole series of places that are foreign to one another...” (Foucault 1984).

⁷ Самый эффектный среди многочисленных примеров такого рода – сон наяву, то есть видение в ташкентском тифозном бреду в 1942 г., послужившее импульсом для создания драмы *Энума Элиш*. См.: Записные книжки 1996: 396; Виленкин 1987: 204.

Однако онейрокритика в устах Ахматовой не была беспристрастной. Так в случае с В. Гаршиным ведущим аргументом в пользу его душевного расстройства «были, видимо, его “самооправдательные галлюцинации”: он рассказывал, что ему являлась во сне покойная жена и просила его не жениться на Ахматовой. Тот симптом, по которому Ахматова ставила Гаршину клинический диагноз, применительно к себе – поэту она расценивала как проявление мистического откровения. В заметках о Николае Гумилеве Ахматова писала: “Три раза в одни сутки я видела Н<иколая> С<тепановича> во сне, и он просил меня об этом”. “Об этом” – о сохранении его творческого наследия. И в середине 1920-х гг. Ахматова вместе с П. Н. Лукницким занялась собиранием гумилевского архива» (Позднякова 2002).

⁸ См. подробнее: Fike 2009: 15–40.

⁹ Доннел 2009: 22. Ср. у Э. Герштейн: «...озарения, посещавшие ее с юных лет, внушили чувство принадлежности Высшему началу» (Герштейн 2009).

2. Очевидны ситуативность (порожденность) репрезентируемой в художественном слове «реальности» (реальность, возникающая в состоянии сна) и ее автономность (сновидческая реальность субъективна, ее содержание и смыслы конструируются одним лицом – спящим). Таков «зачин», к примеру, *Поэмы без героя*: «Сплю – / она одна надо мною, – // Ту, что люди зовут весною, // Одиночеством я зову. // Сплю – / мне снится молодость наша, // Та, ЕГО миновавшая чаша...» (Ахматова 1990: 1, 321). Помимо ситуативности и автономности, онейрическая метареальность предполагает наличие своих, *особенных*, времени, пространства и законов существования, которые не имеют отношения к окружающему нас пространственно-временному континууму прежде всего потому, что сновидческая метареальность не имеет физической субстанции, являясь духовной составляющей человеческого бытия, явлением психической жизни человека: так пространственные и временные координаты *Поэмы без героя* реально узнаваемы, но одновременно сдвинуты и развоплощены¹⁰. Это-то и влечет за собой оттенок метафоричности при определении сновидения как «другого пространства», так как у Фуко речь идет о «*реальном* месте», о внешнем пространстве¹¹. Более того, уникальный сновидческий опыт дарует выход «из-под гнетущей и непостижимой ограниченности временем и пространством» (Доддс 2000: 154), что в поэтическом онейротопе Ахматовой обретает, к примеру, такое выражение:

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только бы ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.
(«Во сне». Ахматова 1990: 1, 269)

Думается, однако, что «без-оговорочный» разворот онейрической тематики именно в направлении Фуко возможен, если мы обратимся к поэтическим признаниям в одной из автопсихологических *Северных элегий* Ахматовой¹². Так, во «Второй» элегии («О десятых годах», 1955) проблематизируется самоидентификация лирической героини в 1910-е гг., то есть в период поэтического становления и пика славы «ранней» Ахматовой. Помещая лирическое «я» в субъективную реальность

¹⁰ Как пишет В. А. Подорога, «<...> там нет никакого пространства/времени, есть, правда, наши слова “пространство”, “время”, которые мы можем использовать в качестве имен для обозначения определенных событий» (Подорога 2007: 286, 303–304).

¹¹ «un seul lieu réel» / “a single real place” (Foucault 1984).

¹² Мы разделяем точку зрения И. А. Гурвича, писавшего о том, что в поздней лирике Ахматовой дистанция между лирическим субъектом стихов Ахматовой и ее биографическим «я» «значительно сократится, порой до неразличимости “я” и автора, и во многом это будет следствием укрупнения биографии, личной судьбы, введенной волею обстоятельств в эпохальную перспективу» (Гурвич 1997. Курсив мой. – Г. М.).

сновидческого и/или зазеркального бытия («Себе самой я с самого начала // То чьим-то сном казалась или бредом, // Иль отраженьем в зеркале чужом, // Без имени, без плоти, без причины» [Ахматова 1990: 1, 261]), Ахматова завершает элегию выражением душевного состояния, тождественного самоощущению инаковости у обитателей фукольтианских «других пространств»¹³:

<...>

И тем сильнее хотелось пробудиться.
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где *просыпаться* надлежит
Таким, как я...

(Ахматова 1990: 1, 261. Курсив мой. – Г. М.)¹⁴

В контексте всего творчества Ахматовой принято говорить о многочисленных двойниках ее лирического «я», почерпнутых, главным образом, из мира культуры. Но разговор может быть направлен в фукольтианское русло, особенно в рамках ее позднего творчества. Можно вести речь о неких отторженных от лирической героини Двойниках и жизненных пространствах в ситуациях игнорирования или насильственного вытеснения «гетеротопического принципа», предполагающего совмещение несовместимого, способность «дать место даже тому, что не может, казалось, иметь места в них, но получает его...» (Подорога 1996). Об этом можно прочесть в «Пятой» элегии:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

<...>

И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.

(Ахматова 1990: 1, 263)¹⁵

¹³ См. рассуждения Фуко (в рамках «первого» «гетеротопического принципа») о насельниках кризисных и, особенно, девиантных гетеротопий: “But these heterotopias of crisis are disappearing today and are being replaced, I believe, by what we might call heterotopias of deviation: those in which individuals whose behavior is deviant in relation to the required mean or norm are placed” (Foucault 1984).

¹⁴ Поэтому полагаем, что интерпретация этих стихов в интересной, в целом, статье И. Кравцовой как «ощущения неизбежной расплаты» за отказ жить по законам «объективной реальности» не исчерпывает их смысла. См.: Кравцова 1991.

¹⁵ Ср. в записках Ахматовой: «Мое детство так же уникально и великолепно, как детство всех остальных детей <...> с мгновеньями, которым было суждено сопровождать меня всю жизнь, с уве-

В пространстве поэтического сновидения (или бреда) оказывается возможной встреча с собственным *вытесненным* Двойником. Сновидение и его поэтическая объективизация как некоего «места-гетероклита» с особым режимом субъективности (по точному выражению О. Беззубовой – места, где «человек может сказать “я здесь, но меня здесь нет”, или “я есть иной”» [Беззубова 2010]) порождает практически все фантастические образы и внутритекстовые сюжеты *Поэмы без героя*:

Завтра утро меня разбудит,
И никто меня не осудит,
И в лицо мне смеяться будет
Закопная синева.
Но мне страшно: войду сама я,
Кружевную шаль не снимая,
Улыбнусь всем и замолчу.
С той, какую была когда-то
В ожерелье черных агатов
До долины Иосафата
Снова встретиться не хочу...

<...>

Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.

<...>

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.*
(Ахматова: 1, 324, 330)

Есть ли различие между онейрической метареальностью, воплощенной в *Северных элегиях*, и онейротопами в *Поэме без героя* и, к примеру, в цикле *Полночные стихи*? Оказывается, что есть и немало.

Во-первых, в *Поэме без героя* нарратор истолковывает свои новогодние видения как нечто, порожденное переживаниями реальной жизни (прошлой и

ренностью, что я не то, за что меня выдают, что у меня есть еще какое-то тайное существование и цель» (Записные книжки 1996: 449). Сказанное не исключает возможность прочтения «Пятой» элегии в иной интерпретационной парадигме – в рамках модели «невозможного» у ахматовского «учителя» И. Ф. Анненского, то есть как вариация темы невозможности состояться в ином качестве и в иной жизни. Ср. в цикле 1961 г. *Из «черных песен»*: «Прав, что не взял меня с собой // И не назвал своей подругой, // Я стала песней и судьбой, // Ночной бессонницей и вьюгой. /// ..... Меня бы не узнали вы // На пригородном полустанке // В той молодящейся, увы, // И деловитой парижанке» (Ахматова 1990: 290). Оставляем в стороне также возможную интерпретацию «Пятой», а также «Второй» «северных» элегий в качестве образцов драматической коллизии отчуждения личности либо, в юнгианском духе, процесса кризисной индивидуации.

настоящей) – движение идет от жизни в текст. В *Северных* же элегиях (например, во «Второй») можно наблюдать иной вектор – от текста в жизнь. Сновидческая метареальность интерпретируется как предвестник будущих событий: «Уже я знала список преступлений, // Которые должна я совершить. // И вот я, лунатически ступая, // Вступила в жизнь и испугала жизнь» (Ахматова 1990: 1, 261).

Во-вторых, различается степень открытия и сокрытия смыслов произведений: градус недосказанного/невысказанного в сновидческих пространствах *Полночных стихов*, на наш взгляд, выше, чем в *Поэме без героя*, десятилетиями подвергающейся исследовательскому декодированию.

В-третьих, первая часть поэмы («Девятьсот тринадцатый год») необычайно рельефна: ее актанты выступают пришельцы из потустороннего мира (из мира мертвых), что характерно для «объективного» сновидения, то есть сна наяву (см.: Доддс 2000: 157–159), и разворачивает сознание читателя в сторону мистическую, сверхъестественную. Подобное обусловлено, прежде всего, жанром произведения: лирическая поэма Ахматовой сюжетно организована, демонстрирует сложные отношения между автором-повествователем и героями и т. п. В лироэпическом цикле элегий и в лирическом цикле *Полночных стихов* доминирует сознание лирического «я», а проникающее в сны «ты» – откровенные эманации этого сознания. Смысловые перспективы элегий и *Полночных стихов* читатель ищет в психическом мире автора стихотворений. Реестр несходств можно было бы продолжить, но остановимся на том, что объединяет произведения.

Состояния сна/полусна/дремы/сновидческого бреда в указанных циклах и в поэме объявлены с той или иной степенью откровенности (см. «Второе посвящение» в *Поэме без героя*, «Шестую» «северную» элегию, «Ночное посещение» в *Полночных стихах*). Но в целом отдельные стихотворения в *Полночных стихах*, к примеру, представляют некие квази-сновидения («В зазеркалье», «И последнее»), где ситуацию сна может предположить читательская/исследовательская интуиция. Поздняя «сумрачная лирика» (Д. Максимов) Ахматовой¹⁶ располагает к такому ее прочтению: пересекающиеся текстовые мотивы (ночной) тишины, зеркал, (поэтического) слова, музыкальных и шумовых звуков являются признаками сновидческого состояния лирического субъекта.

В *Поэме без героя* (1940–1965) имеется стихотворная авторефлексия по поводу рождения стиха, в которой Ахматова причисляет сновидение к провокаторам поэтического творчества (сон – «вещица»¹⁷) и закрепляет сложившуюся в европейской культуре аналогию между сном, поэзией и музыкой:

¹⁶ Цикл *Полночные стихи* включает в себя стихотворения, датированные 1963–1965 гг.

¹⁷ Ср.: «Эта поэма – своеобразный бунт вещей. (Ольгины) вещи <вещи Ольги Судейкиной. – Г. М.>, среди которых я долго жила, вдруг потребовали своего места под поэтическим солнцем» (Ахматова 1990: 1, 355).

А во сне мне казалось, что это
Я пишу для Артура либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон – это тоже вещица,
Soft embalmer, Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.
(Ахматова 1990: 1, 336)

В этой строфе, концентрирующей в себе именные отсылки (к давнему знакомцу Ахматовой, композитору А. С. Лурье, которому адресуются наброски либретто балета по *Поэме без героя*¹⁸) и аллюзии, связанные с европейской поэзией и драматургией (сонетом Дж. Китса “To the Sleep”, сказочной драмой М. Метерлинка *Синяя птица*), в контексте наших рассуждений важна оглядка на Поля Валери, которую Ахматова прокомментировала так: «Полю Валери – сон – *эльсинорских террас парапет*» (Записные книжки 1990: 258. Курсив мой. – Г. М.). Исследователи творчества Ахматовой обычно обращают внимание на связь цитаты из Валери «с характеристикой “людей модерна” эпохи 1914 года» (Тименчик 1989) в эссе Валери «Кризис духа». Но не менее важным представляется второе слово в ахматовской декодирующей цепочке «Полю Валери – сон – *эльсинорских террас парапет*», так как в другом эссе, «Поэзия и абстрактная мысль» (1939)¹⁹, французский поэт и мыслитель дает характеристику поэтического переживания, близкую к ахматовскому поэтическому высказыванию:

...tous les objets possibles du monde ordinaire, extérieur ou intérieur, les êtres, les événements, les sentiments et les actes, demeurant ce qu'ils sont d'ordinaire quant à leurs apparences, se trouvent tout à coup dans une relation indéfinissable, mais merveilleusement juste avec les modes de notre sensibilité générale. C'est dire que ces choses et ces êtres connus – ou plutôt les idées qui les représentent – changent en quelque sorte de valeur. Ils s'appellent les uns les autres, ils s'associent tout autrement que selon les modes ordinaires; ils se trouvent (permettez-moi cette expression) musicalisés, devenus résonnants l'un par l'autre, et comme harmoniquement correspondants. *L'univers poétique ainsi défini présente de grandes analogies avec ce que nous pouvons supposer de l'univers du rêve* (Valéry 1957. Курсив мой. – Г. М.)²⁰

¹⁸ См.: Ахматова 1990: 1, 364; Петербургские сны Анны Ахматовой 2004: 87–89, 302.

¹⁹ Эссе *Poésie et Pensée abstraite* («Поэзия и абстрактная мысль») опубликовано в книге Валери *Variété V*. Парижское переиздание этой книги 1961 г. Ахматова получила в подарок в декабре 1962 г. (Черных 2008: 597).

²⁰ «...все возможные объекты привычного мира, внутреннего и внешнего, – различные существа, события, эмоции, действия, – наружно не изменяясь, вдруг оказываются в непостижимой, но изумительно точной связи с закономерностями нашей общей чувствительности. Иными словами, эти знакомые предметы и сущности – или, лучше сказать, образы, их представляющие, – каким-то образом изменяются в своей значимости. Их отзвучности, их ассоциации в корне отличны от тех, какие должны возникать в обычных условиях; они стали, если можно так выразиться, омузыкаленными, вступив в отношения обоюдного резонанса и некоего гармонического соответствия. *Поэтический мир, увиденный под этим углом, обнаруживает немало общего с нашими предположениями относительно мира сна*» (Валери 1976. Курсив мой. – Г. М.).

Иное дело, когда состояние сна в поэтическом тексте объявлено прямо. Многочисленные стихотворения, адресованные, к примеру, Борису Анрепу, избилуют объявленными сновидческими мотивами. Так, первое из посвященных ему стихотворений, «Сон» (1915), помимо распространенных в русской поэзии топосов сновидения²¹ (потеря пути/дороги к дому²²; знание, превышающее реальный опыт²³; мотивы тьмы – снега – метели – мглы²⁴; окликание/называние по имени²⁵), включает в себя и эксклюзивный ахматовский онейрический мотив – взаимные сновидения²⁶.

Что касается характерного для онейротопа мотива (чаще всего – падения/погружения в бездну), то характеристика содержания «бездны» у Ахматовой, данная Н. Дзуцевой («зона безмолвия, где пребывают смыслы, добываемые поэтом на путях устанавливаемого с ней диалога [Дзуцева 1999]), безусловно, соответствует тем онейрическим ситуациям в поэзии Ахматовой²⁷, которые представляют собой состояние, предшествующее/сопутствующее порождению стиха. Например:

Бывает так: какая-то истома;

<...>

Неузнанных и пленных голосов

Мне чудятся и жалобы и стоны,

Сужается какой-то тайный круг,

Но в этой бездне шепотов и звонов

Встает один, все победивший звук.

(«Творчество», цикл *Тайны ремесла*. Ахматова 1990: 1, 227).

²¹ Здесь мы опираемся на результаты контент-анализа стихотворений русских поэтов, проведенного Т. Н. Николаевой (Николаева 2000: 585–592).

²² Ср. в *Северных элегиях*: «И, раз проснувшись, видим, что забыли // Мы даже путь в тот дом уединенный, // И, задыхаясь от стыда и гнева, // Бежим туда, но (как во сне бывает) // Там все другое...» (Ахматова 1990: 1, 264).

²³ Ср. в *Полночных стихах*: «Мы что-то знаем друг о друге // Ужасное» (Ахматова 1990: 1, 296).

²⁴ Ср. зачин «Предвесенней элегии» в *Полночных стихах*: «Меж сосен метель присмирела...» (Ахматова 1990: 1, 295).

²⁵ «В жестком свете скудного дня / Проснувшись, ты застонал // И в первый раз меня // По имени громко назвал» (Ахматова 1990: 1, 108). Ср. в стихотворении 1963 г. «Через 23 года»: «Все уходит – мне снишься ты. <...> Тень твоя над бессмертным брегком, // Голос твой из недр темноты. /// И по имени – как неустанно // Вслух зовешь меня снова... “Анна!” // Говоришь мне, как прежде, – “Ты”» (Ахматова 1990: 1, 299).

²⁶ Ср. сходный смысловой план в заключающем *Полночные стихи* стихотворении «Вместо послесловия»: «А там, где сочиняют сны, // Обоим – разных не хватило, // Мы видели один...» (Ахматова 1990: 1, 298). Один из возможных биографических комментариев: «Однажды он <поэт А. Тарковский> пришел в гости к Ахматовой и рассказал о странном сновидении, которое взволновало его ночью. Тут Ахматова изменилась в лице, а одна ее подруга всплеснула руками и сообщила, что это самое только что рассказывала Анна Андреевна. Не об этом ли случае ахматовское четверостишие, замыкающее цикл “Полночные стихи”?» (Синельников 2002).

²⁷ Аналогичные состояния наблюдались, к примеру, у Анненского и Манделштама. Обратимся не к поэтическим, а к сторонним свидетельствам близких людей: «...сон Манделштама, когда было очевидно, что каждая жилка в нем слушала и слышала какую-то божественную музыку» (Герштейн 2009); «Есть немало стихотворений Иннокентия Анненского, сочиненных им во время этих паузин забвений и лишь записанных утром. Какие именно это стихи – он конкретно не называл, <...> но о самом факте сочинительства во сне упоминал не раз» (Кривич 1925).

Но в *Полночных стихах* в стихотворении «Первое предупреждение» обращает на себя внимание авторская дифференциация смыслов концепта 'бездна', выраженная семей множественности: «Какое нам в сущности дело, // Что все превращается в прах, // Над сколькими *безднами* пела, // И в скольких жила зеркалах» (Ахматова 1990: 1, 296. Курсив мой. – Г. М.). Один из смыслов – прижизненное, исторически и социально обусловленное, сошествие поэта в ад/иной мир (тема Орфея, Данте) как падение в бездну²⁸. Ср. в стихотворении 1957 г., посвященном Мандельштаму: «Тем же воздухом, так же над бездной // Я дышала когда-то в ночи, // В той ночи и пустой и железной, // Где напрасно зови и кричи. /// О, какпряно дыханье гвоздики, // Мне когда-то приснившейся там...» (Ахматова 1990: 1, 250).

Полемический запал подразумеваемого диалога в «Первом предупреждении» провоцирует на поиск возможного собеседника и/или текста. И таковые можно обнаружить. Это акростих Николая Гумилева:

Ангел лег у края небосклона.
Наклонясь, удивляясь безднам.
 Новый мир был темным и беззвездным.
 Ад молчал. Не слышалось ни стога.

Алой крови робкое биенье,
 Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье
Ангела святое отраженье.

Тесно в мире! Пусть живет, мечтая
 О любви, о грусти и о тени,
 В сумраке предвечном открывая
 Азбуку своих же откровений.

(Гумилев 1991: 364–365. Курсив мой. – Г. М.)

Этот акростих, вписанный в альбом Ахматовой в марте 1917 г. (Черных 2008: 121)²⁹, в котором бездна предстает заполненным тьмой вместилищем хаоса, спустя пятьдесят лет отзовется введенными в текст «Первого предупреждения» мотивами отражения и сна, представленного в контексте отрицательных лексем: «...И в скольких жила зеркалах. // Пускай я не сон, не отрада...» (Ахматова 1990: 1, 296).

Указание адресатов и адресантов (Лурье, Анрепа, Гумилева, Мандельштама) в предыдущих рассуждениях об онейрических стихах Ахматовой не случайно. В текстах такого рода почти в обязательном порядке присутствует элемент диалогичности. Участник диалога («ты») может быть идентифицирован (Анреп во «Сне» или в стихотворении 1960 г. «И юностью манит, и славу сулит...»), завершающем в

²⁸ См. об этом: Тименчик, Топоров, Цивьян 1975: 134; Топоров, Цивьян 1990: 434–436.

²⁹ Действительная (?) дата написания «Акростиха» – 1911 г. – была проставлена Ахматовой на принадлежавшем ей экземпляре посмертно изданного (1922) сборника стихотворений Гумилева. См.: Богомолов 1991: 556.

поэтической мифологии Ахматовой сюжет о кольце³⁰, Гумилев в «Третьей» «северной» элегии) или лишен определенности (как в *Полночных стихах*). В любом случае, сюжетной реальностью и содержанием поэтических сновидений в зрелом творчестве Ахматовой является, главным образом, давнее прошлое. При этом одним из признаков онейрической метареальности в ее поэзии является возвратимость и повторяемость неких бывших ситуаций:

Не на листопадном асфальте
 Будешь долго ждать.
 Мы с тобой в Адажио Вивальди
 Встретимся опять.
 Снова свечи станут тускло-желты
 И закланы сном... <...>
 Прочитаешь на моей ладони
 Те же чудеса

(«Ночное посещение», цикл *Полночные стихи*. Ахматова 1990: 1, 297).

Мишель Шапиро назвал продуцирование подобной эстетической реальности созданием «альтернативных возможных миров»³¹. Уточним, однако, это суждение, отталкиваясь от финальных строк ахматовского стихотворения 1960 г., адресованного человеку из прошлого:

К чему эти крылья и это вино, –
 Я знаю тебя хорошо и давно,
 И ты – это просто горячечный бред
 Шестой и *не бывшей* из наших бесед.

(Ахматова 1990: 2, 72. Курсив мой. – Г. М.)

Думается, что ахматовские онейрические метареальности во многом являются собой не столько «возможные миры», сколько *миры возможного* – возможности «шестой», не состоявшейся некогда встречи (с Б. Анрепом, с В. Гаршиным), допустимости вербализации невысказанного некогда чувства («И наконец ты слово произнес...» – начальные стихи «Тринадцати строчек» из цикла *Полночные стихи* [Ахматова 1990: 1, 297]), достижимости покаяния/раскаяния («О! как ты позовешь тревожно, // Непоправимо виноват // В том что приблизился ко мне...» в стихотворении «Зов» из цикла *Полночные стихи* [там же]).

³⁰ См.: Пахарева 2012: 285.

³¹ “Since dreams and hallucinations are also part of actual human experience, they serve as a bridge connecting the real with unreal. The cumulative result of constructing a narrative in which alethic modalities are principally at stake is the creation of what has been called an «alternative possible world»” (Поскольку сны и галлюцинации также являются частью фактического человеческого опыта, они служат в качестве моста, соединяющего реальное с нереальным. Совокупным результатом построения повествования, в котором на кон поставлены, главным образом, алетические модальности, является создание того, что называется «альтернативным возможным миром») (Shapiro 1988: 48).

О подобном написал в свое время Н. С. Гумилев в рассказе «Скрипка Страдивариуса», где герою-композитору снится сон, в котором дьявол играет на скрипке мелодию, которую он не мог завершить: «Сразу Паоло сделалось ясно все, о чем он томился еще так недавно, и другое, о чем мог бы томиться, и то, что было недоступно ему в земной жизни» (Гумилев 1909). М. Эпштейн замечает: «...нереализованные возможности часто занимают наибольшую часть эмоционального поля. Именно несвершенный поступок, ненаписанное письмо, несказанное слово, несделанное признание преимущественно актуализируются в эмоционально-интеллектуальной сфере, превращаясь порой даже в навязчивые состояния и идеи» (Эпштейн 2001). Следуя за размышлениями философа, можно предположить, что обратимость, двусмысленность возможного («Возможное остается возможным лишь постольку, поскольку не может вполне воплотиться, то есть сохраняет в себе зерно невозможного» [Эпштейн 2001]) обуславливает не только отсутствие чаемого Гостя из Будущего в *Поэме без героя*, но и отдельные болезненные эмоциональные и моральные состояния лирического «я» во всей поэзии Ахматовой, связанные чаще всего с временной и/или пространственной рассогласованностью лирических субъектов ее поэзии.

Подведем некоторые итоги.

В циклах *Северные элегии* и *Полночные стихи*, в *Поэме без героя*, в отчасти восстановленной драме *Энума элиш. Пролог, или Сон со сне*, а также в ряде других стихотворений 1950–1960-х гг. мы имеем дело с некоей метареальностью, выраженной в поэзии Ахматовой инвариантными мотивами сна, полусна, дремы, ночных видений. В одних случаях онейрическая метареальность прямо объявлена, в других – подразумевается, эксплицируя формальное и содержательное строение текста, сходное с состоянием непрерывного сновидения. Неизрасходованные возможности события, поступка, чувства и высказывания составляют содержание определенного количества текстов Ахматовой, связанных с онейрической тематикой. Сновидческую метареальность у Ахматовой можно обозначить как условную гетеротопию, «другое место», порожденное воображением поэта. Необходимость в подобных сновидческих гетеротопиях может быть продиктована ситуациями создания иной модели собственного «я», так как онейрические гетеротопные пространства могут «приостанавливать, нейтрализовать или перевернуть» всю совокупность отношений, имеющих в мире бодрствования, «обозначая, отражая или рефлегируя» эти отношения³².

---

³² «Mais ce qui m'intéresse, ce sont, parmi tous ces emplacements, certains d'entre qui ont la curieuse propriété d'être en rapport avec tous les autres emplacements, mais sur un mode tel qu'ils suspendent, neutralisent ou inversent l'ensemble des rapports qui se trouvent, par eux, désignés, reflétés ou réfléchis» (Foucault 1984).

ЛИТЕРАТУРА

- АНРЕП, Б., 1991. О черном кольце. *Ил:* ВИЛЕНКИН, В. Я., ЧЕРНЫХ, В. А., сост. *Воспоминания об Анне Ахматовой*. Москва: Советский писатель, 83–90.
- АХМАТОВА, А., 1990. *Сочинения в 2 т.* Москва: Изд-во «Правда».
- БЕЗЗУБОВА, О. В., 2010. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта. *Ил:* ЕСАУЛОВ, Г. В. и др., ред. *Эстетика архитектуры и дизайна: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (4–6 октября 2010 г.)*. Москва: Архитектура-С, 27–31. Режим доступа: www.culturalnet.ru/main/getfile/1464 [см. 23 12 2013].
- БОГОМОЛОВ, Н. А., 1991. Примечания. *Ил:* ГУМИЛЕВ, Н. *Сочинения*. В 3 т. Т. 1: *Стихотворения; Поэмы*. Вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. Москва: Художественная литература, 477–577.
- ВАЛЕРИ, П., 1976. *Об искусстве*. Пер. с франц. В. М. Козового. Москва: Искусство. Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/VALERY/about_art.txt [см. 20 06 2014].
- ВИЛЕНКИН В., 1987. *В сто первом зеркале*. Москва: Советский писатель.
- ГЕРШТЕЙН, Э., 2009. Из записок об Анне Ахматовой. Публ., предисл. и примеч. С. А. Надеева. *Знамя*, 1, 147–170. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/1/ge15.html> [см. 20 06 2014].
- ГУМИЛЕВ, Н., 1909. Скрипка Страдивариуса. *Николай Гумилёв: электронное собрание сочинений*. Режим доступа: <http://gumilev.ru/prose/8/print/> [см. 20 06 2014].
- ГУМИЛЕВ, Н., 1991. *Сочинения*. В 3 т. Т. 1: *Стихотворения; Поэмы*. Вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. Москва: Художественная литература.
- ГУРВИЧ, И., 1997. Любовная лирика Ахматовой (Целостность и эволюция). *Вопросы литературы*, 5, 22–38. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/5/gurvich-pr.html> [см. 13 01 2013].
- ДЗУЦЕВА, Н. В., 1999. «Странная лирика». Фрагментарная форма в творчестве А. Ахматовой. *Ил:* ДЗУЦЕВА, Н. В. *Время заветов: проблемы поэтики и эстетики постсимволизма*. Иваново: Ивановский гос. университет, 6–80. Режим доступа: <http://w3.ivanovo.ac.ru/win1251/az/lit/mono/dzuvr/04strann.htm/> [см. 01 03 2014].
- ДОДАС, Э. Р., 2000. Образы сновидений и образы культуры. *Ил:* ДОДАС, Э. Р., *Греки и иррациональное*. Пер. с англ., коммент. и указ. С. В. Пахомова. Санкт-Петербург: Алетейя, 152–197.
- ДОННЕЛ, К., 2009. *Трансцендентное сновидение* / Пер. с англ. Москва: ООО Изд-во «София».
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*, 1996 / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой. Вст. ст. Э. Г. Герштейн. Москва – Torino: Giulio Einaudi editore.
- КРАВЦОВА, И., 1991. «Северные элегии» Анны Ахматовой (опыт интерпретации целого). *Russian Literature*, Vol. XXX, 303–315. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles2/kravtsova2.htm> [см. 26 02 2014].
- КРИВИЧ, В., 1925. Анненский по семейным воспоминаниям и рукописным материалам. *Литературная мысль*, 3. Ленинград, 208–255. Режим доступа: <http://annensky.lib.ru/names/krivich/krivich2-1.htm> [см.: 16 02 2014].
- МЕРКЕЛЬ, Е. В., ЯКОВЛЕВА, Л. В., 2012. Образы «пространства» и «времени» как миромоделирующие координаты поэтического мира А. А. Ахматовой. *Ил:* ТЕМНЕНКО, Г. М., сост. и науч. ред. *Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник*. Вып. 10. Симферополь: Крымский архив, 83–92.

- НИКОЛАЕВА, Т. Н., 2000. *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры.
- ПАХАРЕВА, Т., 2012. К теме завершения ранних сюжетов в поздней поэзии Анны Ахматовой. *Ин: КИХНЕЙ, Л.; ЕРОХИНА, И., ред. «...Как в прошедшем грядущее зреет...». Полувековая парадигма поэтики Серебряного века*. Сб. науч. работ. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 278–288.
- Петербургские сны Анны Ахматовой. «Поэма без героя» (Опыт реконструкции текста)*, 2004. Сост., вступ. ст., реконстр. текста и коммент. С. А. Коваленко. Санкт-Петербург: ООО Изд-во «Росток».
- ПОДОРОГА, В., 1996. Событие: «Бог мертв». Материалы семинара: Мишель Фуко и философия. *Комментарий*, 10. *Ин: Фридрих Ницше*. Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/ontologie/vpodoroga/?curPos=1> [см. 19 06 2014].
- ПОДОРОГА, В. А., 2007. Кодекс сновидца. *Ин: УДУМЯН, Н. К., отв. ред. Грани познания: наука, философия, культура в XXI в.: В 2 кн. Кн. 2*. Москва: Наука, 275–309.
- ПОЗДНЯКОВА, Т. С., 2002. «Виновных нет...». *Ин: ПОЗДНЯКОВА, Т. С., сост. и коммент. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин*. Санкт-Петербург: Невский Диалект, 139–169; 231–253. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/pozdniakova.htm> [см. 26 02 2014].
- СИНЕЛЬНИКОВ, М., 2002. Там, где сочиняют сны. Тарковский и Ахматова. *Знамя*, 7, 151–176. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/7/sinel.html> [см. 08 01 2014].
- СМИТ, А., 2008. Роль сновидений в саморепрезентации Цветасовой и Парнок в свете идей Сабины Шпильрейн. *Ин: Следы сновидения: сновидческое в философии, психологии, искусстве*. Труды Русской антропологической школы: Т. 5, Москва: РГГУ, 78–89. Режим доступа: <https://www.academia.edu/1789597/parnok-tsvetaeva-dec> [см. 05 03 2014].
- ТИМЕНЧИК, Р. Д., ТОПОРОВ, В. Н., ЦИВЬЯН, Т. В., 1975. Сны Блока и «петербургский текст» начала XX века. *Ин: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века»*. Тарту: ТГУ, 129–135.
- ТИМЕНЧИК, Р. Д., 1989. Предисловие к книге «Реквием». *Ин: Реквием*. В 5 кн. Вступ. ст. Р. Д. Тименчика. Москва: Изд-во МПИ, 3–25. Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/timenchik20.htm> [см. 05 03 2014].
- ТОПОРОВ, В. Н., ЦИВЬЯН, Т. В., 1990. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма). *Ин: БОГОМОЛОВ, Н., сост. Ново-Басманная, 19*. Москва: Художественная литература, 420–447.
- ХАРЛАМОВ, Н., 2010. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества. Rec. ad: Michiel Dehaene & Lieven De Cauter, Eds. *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London: Routledge, 2008. *Ин: ПЕТРОВСКАЯ, Е., гл. ред. Синий диван. Философско-теоретический журнал*. № 15. Москва: Три квадрата, 189–197. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/15/15.pdf [см. 20 02 2014].
- ЧЕРНЫХ, В. А., 2008. *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: «ИНДРИК».
- ЭПШТЕЙН, М. Н., 2001. *Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре*. Санкт-Петербург: Алетейя (серия «Тела мысли»). Режим доступа: www.emogy.edu/INTELNET/fv21.html; http://society.polbu.ru/epstein_possiblephilo/ch06_i.html [см. 07 07 2014].
- ФИКЕ, М. А., 2009. *A Jungian Study of Shakespeare: The Visionary Mode*, New York: Palgrave Macmillan.

- FOUCAULT, M., 1984. Of Other Spaces, Heterotopias. *In: Architecture. Mouvement. Continuité.* 5, 46–49. Режим доступа: <http://foucault.info/documents/heteroTopia/foucault.heteroTopia.en.html> [см. 03 08 2013].
- JOHNSON, P., 2012. Interpretations of Heterotopia. *In: Heterotopian Studies:* Режим доступа: <http://www.heterotopiastudies.com/wp-content/uploads/2012/05/3.1-Interpretations-pdf.pdf> [см. 16 01 2014].
- SHAPIRO, M., 1988. The Cognitive Function of the Supernatural in Puškin. *In: MANDELKER, A.; REEDER, R., ed. The Supernatural in Slavic and Baltic Literature. Essays in Honor of Victor Terras.* Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 47–56.
- VALÉRY, P., 1957. Poésie et pensée abstraite. *In: VALÉRY, P. Variété: Oeuvres, Vol. I. Bibliothèque de la Pléiade.* Paris: Gallimard, 1314–1339. Режим доступа: <http://www.jeuverbal.fr/poesiepensee.pdf> [см. 26 02 2014].